

Таким образом, можно сказать, что метафора является следствием и свидетельством эмпирического лишь (то есть неполного, усеченного) восприятия реальности; восприятие же онтологическое порождает образ-символ, который, тем не менее, может восприниматься неподготовленным реципиентом как метафора.

Л. М. Надумович

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

(на материале терминологической лексики экономики и бизнеса)

Многообразие экономических и социальных процессов в современном мире, их связь с другими процессами, происходящими в обществе, влияет на систематизацию представлений о структурах и тенденциях развития российской и мировой экономики, теоретические основы и закономерности функционирования экономики переходного периода. Новые принципы принятия и реализации экономических и управленческих решений, в свою очередь, ориентируют на решение конкретных организационных ситуаций, освоение специальной экономической и управленческой терминологии понятийного минимума.

Еще одна проблема – освоение русским языком интернациональной терминологии. Без знаний принятой во всем мире предпринимательской терминологии и внутрифирменной системы финансовых показателей невозможно осуществлять коммуникацию с иностранными партнерами и приобщаться к опыту финансового менеджмента, накопленному западными промышленниками и банкирами за многовековую историю рыночной цивилизации. В частности, это обусловило процесс вытеснения исконных лексем иноязычными.

Наблюдающийся «терминологический взрыв» (С. В. Гринев-Гриневич), в полной мере касающийся экономической области знания, приводит к постоянному расширению ее понятийного аппарата, т.е. «качественные исторические изменения характера научного познания сопровождаются постоянным количественным ростом как складывающихся терминологий, так и объема всей специальной лексики».

Современный подязык экономики развивается в двух основных направлениях: теоретическом (с точки зрения развития терминологической базы, соответствующей современному уровню фундаментальных знаний науки экономики) и практическом (с учетом возможности использования знаний в прикладных целях). Динамичное развитие данного пласта лексики в значительной степени меняет весь «облик» экономической терминологии. Бесспорным является факт непрерывного пополнения периферийного сегмента специальной лексики экономического подязыка, который также требует унификации.

Необходимо учитывать и сложившуюся языковую ситуацию, при которой английский язык занимает главенствующее положение благодаря не

только процессам интеграции и глобализации в международном сообществе, но и лидирующему положению США в развитии приоритетных научно-технических областей. Поэтому немаловажную роль в пополнении финансово-экономического терминологического словаря играют заимствования из английского языка как естественное следствие признания его особого статуса в качестве *lingua franca*.

По справедливому замечанию К. Я. Авербуха, «проблема языка международного общения в сфере науки и техники издавна занимала человечество. Особенно активизировались попытки решения этой проблемы в эпоху Возрождения и в Средневековье, когда наука стала развиваться ускоренными темпами. <...> Проблема языка международного общения, тесно смыкающаяся с терминологической проблемой, а точнее, обусловленная ею, ибо семантическое ядро всех языков для специальных целей составляет терминология, и в наше время остается актуальной. <...> Если несколько языков и оспаривают привилегию стать международным языком науки, то именно английский язык смог стать языком, широко используемым в обменах научной информацией. <...> Но нельзя допускать того, чтоб он принял характер исключительный, высокомерный по отношению к другим языкам».

Действительно, в русской финансово-экономической терминологии естественный процесс заимствования иноязычной лексики происходит достаточно интенсивно, но открытость системы для пополнения ее заимствуемыми терминами не должна вести к нарушению норм родного языка.

Уже становится привычным явление, при котором речь первых лиц государства и специалистов в области экономики переполнена выражениями типа *плохой болт* (англ. *bad debt*), *плохой кредит* (англ. *bad loan*), *актер* (англ. *actor*) вместо привычных для русского языка и устоявшихся терминов *безнадежный долг*, *безнадежный кредит*, *участник рынка*. Достаточно часто используется английское слово *эндаумент* (англ. *endowment* ‘дар, пожертвование’), *реновация* (англ. *renovation* ‘реконструкция, обновление’), выражения *драйверы роста* (*growth drivers*), *количественные смягчения* (*quantitative easing*) и многие другие, смысл которых недоступен для большинства людей, не владеющих английским языком.

Парадоксально, что часто мелькающий в финансовой прессе модный инвестиционный термин количественные смягчения (*quantitative easing QE*), обозначающий один из инструментов денежно-кредитной политики, даже специалистами признается как крайне неоднозначный и по своему значению, и по происхождению, и по эффективности применения данного метода на практике.

Психолингвистическая мотивация употребления подобных терминов является темой для отдельного исследования. Попытка такого анализа на материале экономических терминов была предпринята в работе Л. Н. Митиревой. Позволим себе лишь коротко процитировать наиболее интересное замечание о том, что «нынешняя ситуация с экономическими заимствованиями свидетельствует о процессе интернационализации данной

терминосистемы. А их широкое употребление в бытовой речи – о повышенной заинтересованности носителей русского языка, определяемой как чисто субъективными причинами (престиж, мода и т.д.), так и объективными (попытка перехода к новому типу экономики)». Можно согласиться с мнением Л. Н. Митиревой о «бесспорно престижной коннотации» в общественном восприятии таких языковых единиц.

Заметим, что к специалистам-филологам, занимающимся переводом терминов, обоснованно предъявляются строгие требования, которые в полной мере признаются и соблюдаются ими. Главное из этих требований – чтобы лингвист достаточно хорошо разбирался в специальной области, термины которой необходимо перевести на русский язык.

Интерес к широкому кругу экономических вопросов приводит к необходимости популярного изложения научных фактов. Экономические книги и журналы должны ориентироваться не только на потенциальных читателей-специалистов, но и в том числе на людей с обыденным сознанием. Такое положение вещей в области экономического дискурса не препятствует терминотворчеству, а, наоборот, стимулирует его, поскольку требуются все более яркие и оригинальные формулировки для продвижения нового экономического знания, но при этом доступные для понимания.

А. А. Романовская

ОСОБЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Античный символ, особый языковой знак вторичной номинации, функционирующий в современном художественном тексте, характеризуется способностью сохранять свою мифопоэтическую семантику, а также стимулировать порождение новых смыслов, в чем заключается суть его семантикопрагматических функций как тропа: метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, олицетворения (персонификации судьбы, чувств, природы, природных стихий), вербально выраженной аллегории.

Символ выступает в функции вербально выраженной аллегории, отражая смысл, непосредственно ассоциируемый с мифом. Античный символ в функции аллегории изображает отвлеченную идею (понятие) посредством образа. Образная сторона поясняет идею. Связь между значением и образом устанавливается по аналогии: *Цирцея* – аллегория волшебства (В. Новиков); *Феникс* – возрождения (И. Ильф и Е. Петров); *Минерва (Афина)* – победы (Э. С. Радзинский); *Венера (Афродита)* – красоты (Н. Н. Батракова); *Лаокоон* – страдания (М. П. Шишкин); *Сатурн (Кронос)* – аллегория смерти, *Астрея* – счастья, *Сфинкс* – страха, ужаса (М. Алданов).

В функции персонификации символы – это иконические знаки, в которых мотивированность означающего означаемым носит мифологический метафорический характер. Особенность персонификации в том, что